

МАРИ
Ca

**БЫВШИЕ
ЛЮБИМЫЕ**
Мои

Мари Са

Бывшие. Любимые. Мои

«Автор»

2026

Са М.

Бывшие. Любимые. Мои / М. Са — «Автор», 2026

— А вы чей папа? Один невинный вопрос, и пять лет моей тщательно построенной жизни рушатся в одно мгновение. Пять лет назад он уничтожил мою жизнь одной фразой. Я ушла, не сказав ему о дочерях. Теперь он стоит передо мной — и я понимаю, мой самый страшный кошмар только начинается.

© Са М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мари Са

Бывшие. Любимые. Мои

Глава 1

Майское солнце бьёт в лобовое стекло так нагло, будто имеет на это полное право. Впрочем, оно и имеет — середина мая, Москва наконец-то выдохнула из себя затяжную серость и расцвела.

Я опускаю козырёк, щурюсь и в сотый раз проверяю зеркало заднего вида. На заднем сиденье — два одинаковых личика в одинаковых платьях, которые я зачем-то купила к сегодняшнему дню.

Белые, в мелкий василёк.

Как будто мне мало поводов нервничать.

— Мама, а там будет торт? — спрашивает Соня, болтая ногами в новых сандалиях.

— Будет.

— А батут? — это уже Маша, и глаза у неё загораются так, что я вижу этот свет даже через зеркало.

— Тётя Лера обещала батут.

Маша толкает Соню локтем. Соня толкает Машу в ответ. Четыре с половиной года чистого, незамутнённого счастья, перемешанного с хаосом.

Мои девочки.

Моя вселенная.

Моя ежедневная маленькая война, в которой я давно перестала рассчитывать на подкрепление.

Я паркуюсь у загородного дома Леры, и мне немедленно хочется развернуться и уехать. Не потому что я не люблю Леру — люблю, она одна из немногих, кто остался рядом после того, как моя жизнь сложилась пополам, а потом ещё раз пополам.

Просто людей слишком много.

На подъездной дорожке — машины, которых я не знаю, а среди знакомых номеров мелькают такие, от которых тянет под рёбрами.

Общие друзья. Общее прошлое. Общий круг, из которого я пять лет назад тихо вырезала себя, как неудавшийся фрагмент из фотографии.

— Мам, пойдём уже! — Соня дёргает ручку двери.

— Подожди, зайка. Дай я вас вытащу нормально.

Я выхожу, одёргиваю платье — тоже новое, тоже зачем-то купленное, — и обхожу машину. Открываю дверь, отстёгиваю сначала Машу, потом Соню. Они выпрыгивают на газон, как два воробья из клетки, и я едва успеваю поймать обеих за руки.

— Так. Правила?

— Не убегать далеко, — бубнит Маша.

— Не трогать чужих собак, — добавляет Соня.

— И?

— И не говорить незнакомым дядям, что у нас нет папы, — заканчивает Маша таким будничным тоном, что у меня перехватывает горло.

Я присаживаюсь на корточки, заправляю ей за ухо выбившуюся прядь. Тёмную, густую, непослушную — не мою.

— Умницы. Идём.

Лерин сад — это отдельный вид безумия.

Тридцать пять лет ей исполняется, и она отмечает так, будто это последний день на земле.

Шатры, гирлянды, живая музыка — какой-то парень с гитарой негромко поёт что-то из знакомого, дворового, почти забытого. Длинные столы с едой, отдельная зона для детей с тем самым обещанным батутом, аниматор в костюме единорога, и повсюду — люди, люди, люди.

Лера замечает нас первой. Налетает, пахнущая сладкими духами и шампанским, хватается меня за плечи, отстраняет, оглядывает.

— Катя! Господи, ты пришла! Я думала, опять соврёшь про работу.

— Я не вру, у меня правда бывает работа.

— В субботу. Конечно. — Она закатывает глаза и тут же приседает к девочкам: — А вот и мои любимые принцессы! Ну какие красавицы! Соня, Маша, батут вон там, видите? Бегите!

Девочки вопросительно смотрят на меня. Я киваю, и их сандалии мелькают в траве. Я вижу только белые платья да тёмные макушки. Сердце сжимается привычной смесью нежности и тревоги, которая, наверное, теперь навсегда.

— Выдохни, — говорит Лера, вручая мне бокал. — Безалкогольное игристое. Тебе нужно.

Я делаю глоток. И ещё один. Пузырьки щекочут нёбо, и я почти начинаю расслабляться, когда Лера произносит:

— Только ты, пожалуйста, не психуй.

Мир замирает. Бокал замирает у губ. Я смотрю на неё, и что-то в её лице — виноватая складка между бровей, чуть прикушенная нижняя губа — говорит мне всё раньше, чем она успевает открыть рот.

— Лера.

— Я не могла его не позвать, Кать. Он мне тоже друг. Он пять лет...

— Лера.

— Я думала, он не приедет. Он в последний момент...

— Он здесь? — Мой голос звучит ровно. Совершенно ровно. Как стена, за которой что-то обрушивается.

Лера прижимает ладони к груди.

— Он приехал час назад. Я хотела тебе позвонить, но ты была уже в дороге, и я подумала, что если скажу — ты развернёшься, а я так хотела, чтобы ты наконец...

Я больше не слушаю.

Мой взгляд уже движется сам, против воли, против здравого смысла — по гостям, по лицам, по фигурам. Я ищу его так, как тело ищет источник боли: инстинктивно, безошибочно, на уровне мышечной памяти.

И нахожу.

Он стоит у дальнего края стола, вполоборота. Рубашка с закатанными рукавами, тёмная, без галстука. стакан в руке — виски, наверное, он всегда пил виски.

Он разговаривает с кем-то, и я вижу, как двигаются его губы, как он чуть наклоняет голову, слушая собеседника, — жест, который я узнала бы из тысячи.

Плечи шире, чем я помню. Или мне казалось, что я помню, а на самом деле я просто запретила себе вспоминать и сейчас вижу его заново, впервые, и это страшнее.

Дима.

Дмитрий Андреевич Волков.

Человек, который пять лет назад посмотрел мне в глаза и сказал, что не готов. Что ему нужно разобраться в себе. Что я заслуживаю лучшего.

Полный джентльменский набор формулировок, которыми мужчины прикрывают одну простую, тупую, как удар под дых, правду: ты мне недостаточно нужна.

Он тогда не знал, что внутри меня уже росли две крошечные жизни. И я ему не сказала. Не потому что хотела наказать. А потому что человек, который говорит «не готов», — не тот, к которому приходят с положительным тестом и дрожащими руками.

Я отвернулась. Ушла. Справилась.

А теперь он стоит в двадцати метрах от своих дочерей и не знает об этом.

Глава 2

— Катя? — Лерин голос пробивается сквозь вату. — Ты дышишь?

— Дышу, — отвечаю я и залпом допиваю бокал.

Первые сорок минут я справляюсь. Я — мастер избегания. Пять лет практики.

Я знаю, как перемещаться по пространству так, чтобы между мной и определённым человеком всегда оказывались другие люди, шатёр, стол с закусками или, на худой конец, единого-аниматор.

Девочки скачут на батуте, потом едят клубнику, потом рисуют мелками на специально расстеленной бумаге. Я держу их в поле зрения и одновременно контролирую его перемещения — краем глаза, затылком, каким-то шестым чувством, которое, оказывается, никуда не делось за пять лет и работает с пугающей точностью.

Он тоже меня не видит. Или делает вид. Он в другом конце сада, в компании мужчин, которых я не знаю. Смеётся.

У него новый смех — или я забыла старый.

Более низкий. Или мне кажется.

Хватит. Хватит на него смотреть.

— Мам! — Маша дёргает меня за подол платья. — Мам, я хочу мороженое! Там дядя раздаёт мороженое!

Я смотрю в направлении её пальца и вижу у десертного стола высокого мужчину с двумя вафельными рожками. Не того мужчину. Просто чей-то муж, раздающий детям мороженое.

— Идём.

Беру Машу за руку, Соня бежит следом, и мы идём к десертному столу. Длинный стол, красиво уставленный тарелками, пирожными, ягодами. Я накладываю девочкам мороженое, и всё хорошо, всё под контролем, и тут Соня роняет свой рожок прямо на траву.

Нижняя губа дрожит. Глаза наполняются. Катастрофа вселенского масштаба.

— Тихо, тихо, сейчас возьмём новый, — говорю, присаживаясь к ней.

— Но это было с шоколадным! А шоколадное кончилось! Я видела!

— Мы найдём шоколадное, обещаю.

— Не плачь, — говорит Маша и протягивает сестре свой рожок. — На, лизни. Тут клубничное, но тоже вкусное.

Соня шмыгает носом и лижет Машин рожок, и я думаю: «Господи, какие же они у меня». И в ту секунду, когда я распрямляюсь с грязной салфеткой в руках, мир делает то, что он делает лучше всего, — выбивает почву из-под ног.

— Позвольте.

Голос за спиной. Низкий. Спокойный. Такой знакомый, что у меня немеют кончики пальцев.

Я оборачиваюсь.

Он стоит прямо передо мной. Ближе, чем я готова выдержать. В руке — вафельный рожок с шоколадным мороженым.

Его глаза — серые, тяжёлые, как зимнее небо — встречаются с моими, и на одну долгую, оглушительную секунду в них мелькает что-то, что я не могу прочитать.

Удивление? Растерянность? Или мне хочется думать, что растерянность, потому что его лицо тут же становится непроницаемым, и он опускает взгляд — на Соню.

— Кажется, кто-то потерял мороженое, — говорит он и протягивает рожок.

Соня смотрит на него снизу вверх. Четыре с половиной года бесстрашия и любопытства. Никаких стен. Никаких шрамов. Чистый, распахнутый взгляд — его взгляд, его глаза, его разрез, тот же упрямый серый цвет, — и я чувствую, как пол уходит из-под ног.

Он видит. Он не может не видеть.

Но Соня уже берёт мороженое и расцветает.

— Спасибо! А вы волшебник?

— Почему волшебник? — Он чуть приподнимает бровь. Этот жест. Этот чёртов жест.

— Потому что шоколадное кончилось, а вы нашли!

— Просто знал, где искать.

Маша тут же оказывается рядом, потому что Маша — это всегда рядом, всегда в гуще, всегда с вопросом наготове.

— А вы знаете нашу маму? Вы на неё смотрите странно.

Кровь бросается мне в лицо. Жаром, от шеи до корней волос.

— Маша.

— Что? Он правда странно смотрит.

Дима переводит взгляд на меня. Медленно. Тяжело. И я вижу, как что-то сдвигается в его лице — узнавание, которое он, видимо, сдерживал эту секунду, проступает сквозь маску, как трещина по стеклу.

— Катя, — говорит он.

Не вопрос. Не восклицание. Просто имя. Моё имя его голосом, и я мгновенно оказываюсь на пять лет назад — в прихожей съёмной квартиры, босая, в его футболке, с остывающим кофе в руках, и он говорит: «Катя, нам надо поговорить», — и от этой фразы до конца всего двадцать минут.

— Дима, — отвечаю я. Голос не дрожит. Маленькая победа.

— Вы знакомы! — радостно объявляет Соня, облизывая мороженое. Шоколадная капля падает на белое платье в васильках. — А вы тоже друг тёти Леры?

— Да, — говорит он, не сводя с меня глаз. — Тоже друг.

— А как вас зовут? — это Маша, и она уже разглядывает его с тем цепким детским вниманием, от которого взрослые обычно ёжатся.

— Дмитрий.

— Дмитрий — это слишком длинно, — заявляет Маша. — Можно мы будем звать вас Дима?

У него дёргается уголок рта. Не улыбка, нет. Что-то более сложное.

— Можно.

— Дима, а вы чей папа? — спрашивает Соня, и мир останавливается.

Глава 3

Просто так. Между двумя ударами сердца. Между каплей мороженого, стекающей по вафельному конусу, и далёким смехом чьих-то детей на батуте.

Мир замирает, и я вместе с ним.

Дима молчит одну секунду. Две. Потом говорит:

— Ничей.

— Как это — ничей? — Соня округляет глаза. — Вы что, тоже без детей? У нас мама тоже без папы. То есть мы без папы. То есть...

— Соня, — мой голос наконец прорезается, и он звучит почти нормально, почти, если не знать, что внутри у меня сейчас Хиросима, — доедай мороженое, у тебя всё капает.

Соня послушно утыкается в рожок. Но Маша — Маша смотрит на Диму, потом на меня, потом снова на Диму, и я вижу, как в её голове работают шестерёнки.

— У вас глаза как у нас, — говорит она.

Тишина.

Дима медленно опускает взгляд на неё. На четырёхлетнюю девочку с тёмными непослушными волосами и серыми глазами. Потом на вторую — с такими же волосами и такими же глазами. Потом — на меня.

И в этом взгляде больше нет непроницаемости. Нет маски. Нет спокойствия. В этом взгляде — только вопрос, который заполняет всё пространство между нами, как вода заполняет трещину в плотине.

Я делаю единственное, что могу.

— Девочки, нам пора к батуту.

— Но мы только что от батута!

— Значит, пойдём ещё раз.

Я хватаю их за руки — обеих, одним движением — и разворачиваюсь. Быстро. Не оглядываясь. Чувствуя его взгляд спиной, затылком, каждым позвонком.

— Катя.

Его голос — негромкий, но в нём есть что-то, от чего ноги замедляются помимо моей воли. Та самая интонация. Не просьба. Не приказ. Что-то между тем, к чему моё тело до сих пор настроено, как радио на забытую частоту.

Я не оборачиваюсь.

Я иду дальше, сжимая маленькие ладошки в своих, и сердце колотится так, что чувствую его пульс в горле, в висках, в кончиках пальцев.

— Мам, — шёпотом говорит Маша, запрокинув голову, чтобы видеть моё лицо. — Мам, а почему ты плачешь?

— Я не плачу, — говорю я.

Майский ветер касается мокрых щёк, и я ускоряю шаг.

За спиной — музыка, смех, звон бокалов и тридцатипятилетие Леры, которой я сегодня обязательно выскажу всё, что думаю.

За спиной — мужчина, который только что посмотрел в глаза своим дочерям и ещё не понял этого. Или уже понял.

И от второго варианта мне страшнее.

Телефон вибрирует в кармане платья. Я достаю его, усадив девочек на скамейку с новой порцией клубники.

Сообщение. Незнакомый номер.

«Нам нужно поговорить. И ты знаешь, о чём. Не уезжай.»

Пальцы сжимают телефон так, что белеют костяшки.

Откуда у него мой номер?

Ответ приходит тут же — вторым сообщением:

«Лера дала. Не злись на неё. Злись на меня. Но не уезжай.»

Я смотрю на экран. Потом на девочек — шоколадные пальцы, клубничные щёки, одинаковые макушки, склонённые друг к другу.

Потом я делаю то, на что у меня уходит вся смелость, скопленная за пять лет.

Я не уезжаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.